

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС CRIMINOLOGY PROCEDURE

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-66-72

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.14

Дата поступления: 11.06.2021
рецензирования: 15.07.2021
принятия: 28.08.2021

Позицию профессора В. А. Лазаревой о собирании доказательств в целом можно поддержать, но...

С. Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация: Настоящая статья является своеобразным научным ответом на недавно опубликованную работу профессора В. А. Лазаревой, где в очередной раз были подняты вопросы, касающиеся сущности и содержания собирания доказательств как первого этапа всего процесса доказывания по уголовному делу. Автор статьи выражает общую солидарность с позицией В. А. Лазаревой, выступающей за дифференциацию механизмов собирания различных видов доказательств в зависимости от источников воспринимаемой информации, то есть за отсутствие тождества между категориями «собирание доказательств» и «формирование доказательств». Однако, некоторые проанализированные в статье аргументы, которые В. А. Лазарева использует для обоснования своей позиции, представляются не вполне разумными, побуждающими к дискуссии. При этом, несмотря на некоторую вариативность и различные оттенки высказываемых суждений, автор настоящей статьи считает профессора В. А. Лазареву своим научным союзником и единомышленником, одновременно рассчитывая на взаимность со стороны уважаемого ученого.

Ключевые слова: доказательства; доказывание; представление доказательств; приобщение доказательств к уголовному делу; следственные действия; собирание доказательств; формирование доказательств.

Цитирование. Россинский С. Б. Позицию профессора В. А. Лазаревой о собирании доказательств в целом можно поддержать, но... // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 66–72. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-66-72>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Россинский С. Б., 2021

Сергей Борисович Россинский – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, 119019, Москва, ул. Знаменка, 10.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.06.2021
Revised: 15.07.2021
Accepted: 28.08.2021

The position of professor V. A. Lazareva on the collection of evidence in general can be supported, but...

S. B. Rossinskiy

The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Abstract: This article is a kind of scientific answer to the recently published work of Professor V. A. Lazareva, in which, once again, questions were raised concerning the essence and content of the collection of evidence as the first stage of the entire process of proving in a criminal case. The author of the article expresses general solidarity with the position of V. A. Lazareva, advocating the differentiation of mechanisms for collecting various types of evidence depending on the sources of perceived information, that is, for the lack of identity between the categories «collecting evidence» and «forming evidence» ... However, some of the arguments analyzed in the article, which V. A. Lazareva uses to substantiate her position, do not seem entirely reasonable, prompting a discussion. At the same time, despite some variability and different shades of judgments expressed, the author of this article considers Professor V. A. Lazareva to be his scientific ally and like-minded person, at the same time counting on reciprocity on the part of a respected scientist.

Key words: evidence; proof; presentation of evidence; admission of evidence to the criminal case; investigative actions; collecting evidence; formation of evidence.

Citation. Rossinskiy S. B. *Pozitsiyu professora V. A. Lazarevoi o sobiranii dokazatel'stv v tselom možno podderzhat', no...* [The position of professor V.A. Lazareva on the collection of evidence in general can be supported, but ...]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 66–72. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-66-72> [in Russian].

Conflict of interest information: the author declares no conflict of interest.

© Rossinskiy S. B., 2021

Sergey B. Rossinskiy – Doctor of Laws, associate professor, chief researcher of the sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10, Znamenka Street, Moscow, 119019, Russian Federation.

В первом номере научно-практического журнала «Судебная власть и уголовный процесс» за 2021 год была опубликована статья «Собирание или формирование? Продолжаем дискуссию», принадлежащая перу профессора кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института (факультета) Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева доктора юридических наук, профессора В. А. Лазаревой [1, с. 78–87] – одного из самых известных и влиятельных специалистов в области теории и практики уголовно-процессуального доказывания и доказательственного права. В статье в очередной раз поднимаются хорошо знакомые ученым-процессуалистам, но никоим образом не потерявшие своей актуальности и по-прежнему побуждающие к полемике вопросы, связанные с сущностью и содержанием собирания доказательств как «первого» этапа уголовно-процессуального доказывания¹, выраженного в накоплении и юридической легализации (процессуализации) имеющих значение для уголовного дела полезных сведений в целях их дальнейшего использования для обоснования правоприменительных решений органов предварительного расследования и (или) суда.

Появление данной публикации просто не могло не привлечь особого внимания, по крайней мере по двум причинам. Во-первых, эти проблемы уже не первый год входят в сферу наших научных интересов, связанных с различными аспектами собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу. А во-вторых, статья профессора В. А. Лазаревой вообще во многом является своеобразной (кстати, весьма положительной) реакцией на результаты наших недавних исследований, несколькими месяцами ранее опубликованных в третьем номере «Юридического вестника Самарского университета» за 2020 год [3, с. 91–103]. В сложившейся ситуации представляется целесообразным или даже необходимым, приняв у уважаемого ученого «эстафетную палочку», продолжить свое посильное участие в рассмотрении в очередной раз поднятых ей вопросов.

Итак, прежде всего хотелось бы обратить внимание, что предлагаемый В. А. Лазаревой подход к содержанию «первого» этапа доказывания, под-

разумевающий дифференциацию механизмов собирания различных видов доказательств, в том числе разную степень формализации соответствующих действий и решений органов предварительного расследования или суда, в целом является совершенно правильным, соответствующим общим философским закономерностям восприятия человеком полезной информации об обстоятельствах объективной реальности. Именно в подобном ракурсе она и формулирует свой «генеральный» тезис, буквально проходящий «красной нитью» через всю статью: «шейферовские» идеи о формировании доказательств неуниверсальны, равно как и следственные действия – далеко не единственные способы накопления и процессуализации доказательственной информации [1, с. 87]. Такие же идеи можно встретить и в более ранних публикациях автора [4, с. 58–67; 5, с. 56–61].

В этой связи следует напомнить, что под формированием доказательств ученые традиционно понимают деятельность наделенных уголовно-юрисдикционными полномочиями субъектов, состоящую в совокупности процессуальных приемов, позволяющих преобразовывать актуальную для уголовного дела «следовую» информацию (материальные или идеальные следы) в один из видов доказательств [6, с. 10; 7, с. 91; 8, с. 11]. Другими словами, сформировать доказательство – создать на основе воспринятых сведений в предусмотренном законом порядке (посредством процессуальной формы) новый информационный ресурс, подлежащий дальнейшему использованию как допустимое, то есть юридически доброкачественное средство доказывания. Впервые возникнув в начале 1960-х годов, идеи о формировании доказательств приобрели надлежащий методологический фундамент и были развиты до уровня стройной научной теории благодаря циклу фундаментальных работ С. А. Шейфера, четко обосновавшего невозможность собирания доказательств какими-либо другими способами, кроме производства предусмотренных законом следственных действий, то есть кроме как путем их формирования [10, с. 7, 15–16; 11, с. 18; 12, с. 33–34]. Позднее у «шейферовской» концепции появилось множество сторонников и последователей [12, с. 124; 13, с. 239]; в настоящее время она плотно укоренилась в уголовно-процессуальной доктрине².

¹ Употребляемый в настоящей статье по отношению к рассматриваемому этапу уголовно-процессуального доказывания порядковый эпитет «первый» преднамеренно берется в кавычки. Подобное первенство имеет условный характер, что детерминировано не более чем юридико-технической потребностью в нормативном перечислении всех этапов доказывания в определенном порядке (подробнее см.: [2, с. 85]).

² В этой связи необходимо обратить внимание, что ранее автор настоящей статьи, будучи подвержен сильному влиянию работ С. А. Шейфера, тоже поддерживал высказанные в них идеи [14, с. 86]. Однако результаты дальнейших исследований и рассуждений предопределили потребность частичного пересмотра данной позиции.

Однако, как справедливо пишет В. А. Лазарева, такие идеи не могут претендовать на универсальность. Они приемлемы далеко не для всех, а лишь для некоторых видов доказательств: показаний, результатов (протоколов) невербальных следственных или судебных действий и экспертных заключений, то есть информационных ресурсов, появляющихся в ходе собственной процессуально-познавательной деятельности органов дознания, предварительного следствия, суда или эксперта. Тогда как в части собирания других предусмотренных законом средств уголовно-процессуального доказывания (вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, а также результатов непроцессуальной, в первую очередь оперативно-розыскной, деятельности органов исполнительной власти) «шейферовская» концепция представляется непригодной. Все указанные доказательства «рождаются» за рамками уголовно-процессуальных правоотношений и попадают в уголовное дело в виде уже сложившихся познавательных ресурсов (предметов либо документов), то есть не как процессуальное «сырье» или «полуфабрикаты», а как готовые к использованию «изделия». Они переходят в распоряжение дознавателя, следователя, суда путем представления, истребования либо изъятия, поэтому никакому процессуальному формированию не подлежат, а просто признаются доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела (например, ч. 1 ст. 82, ст. 286 УПК РФ) либо не признаются и не приобщаются – в случае недопустимости или нецелесообразности их дальнейшего использования в качестве средств уголовно-процессуального доказывания [2, с. 88–92; 3, с. 94–96].

Именно поэтому позиции В. А. Лазаревой о сущности и содержании «первого» этапа уголовно-процессуальных доказывания, предполагающие потребность в разграничении категорий «собрание доказательств» и «формирование доказательств», по крайней мере исключают их тождество, лежат в принципиально верном направлении и, безусловно, заслуживают позитивной оценки и поддержки.

Вместе с тем некоторые суждения уважаемого автора представляются не вполне разумными и побуждают к дискуссии. А если быть более точным, то возражения вызывают не сформулированные В. А. Лазаревой итоговые выводы, не вытекающий из ее статьи «генеральный» тезис о приемлемости «шейферовской» концепции формирования доказательств далеко не ко всем средствам уголовно-процессуального доказывания (они-то как раз являются бесспорными), а лишь отдельные доводы и аргументы, приводимые в обоснование данной точки зрения.

Так, одним из важнейших факторов, повлиявших на снижение роли следственного действия как основного и наиболее «совершенного» способа собирания доказательств, В. А. Лазарева считает внедрение в систему российского уголовного судопроизводства принципа состязательности,

предполагающего равные возможности обвинения и защиты и предопределившего допуск к активному участию в собирании и представлении доказательств так называемых неофициальных субъектов: подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего и др., – что, по ее мнению, привело к нивелированию значения процессуальной формы [1, с. 82]. Однако состоятельность этого довода вызывает сомнения ввиду отсутствия прямой причинно-следственной связи между состязательностью как концептуальной правовой идеей, ставшей активно внедряться в сферу уголовно-процессуального регулирования лишь в постсоветский период развития Российского государства (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ), и узаконенными намного ранее диспозитивными возможностями невластных участников уголовного судопроизводства по представлению доказательств для приобщения к материалам уголовного дела. Достаточно вспомнить, что подобные возможности четко вытекали из ч. 2 ст. 70 УПК РСФСР и находившихся с ней в системном единстве «статусных» норм, определяющих права обвиняемого (ч. 3 ст. 46 УПК РСФСР), защитника (ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР), потерпевшего (ч. 2 ст. 53 УПК РСФСР) и др., то есть имели место тогда, когда законодатель и не помышлял ни о какой состязательности в современном понимании этого феномена. К слову, еще в 1967 году авторы фундаментальной монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» писали об иных документах как о средствах доказывания, появляющихся в «готовом» виде [15, с. 133]. Да и вообще потребность в использовании доказательств, возникающих вне уголовно-процессуальной формы и попадающих в уголовное дело как уже сложившихся познавательных ресурсов, в первую очередь вещественных доказательств и иных документов, обусловлена не только и не столько (!) реализацией правомочий стороны защиты и других невластных субъектов доказывания – основными «собирателями» таких доказательств всегда являлись и, несмотря на принцип состязательности, продолжают оставаться органы предварительного расследования. Тогда как к сугубо «невластным» средствам доказывания на сегодняшний день можно отнести разве что заключение специалиста, которое в 2003 году было введено в сферу уголовно-процессуального регулирования именно для расширения правовых возможностей сторон (читай, стороны защиты), сопряженных с использованием специальных знаний.

Поэтому само по себе внедрение принципа состязательности сторон ни коим образом не повлияло и не могло повлиять на снижение процессуальной роли следственных действий за счет появления каких-то новых механизмов, обеспечивающих собирание предметов или документов и их приобщение к уголовному делу. Представляется, что расширение состязательных начал уголовного судопроизводства, усилившее активность адвокатуры, послужило не более чем хорошим правовым индикатором, поскольку посредством «набивания

шишек» позволило выявить немалые практические трудности, связанные с собиранием «готовых» доказательств, и тем самым обнаружить слабые звенья «шейферовской» концепции формирования доказательств. Иными словами, принцип состязательности возымел эффект «лакмусовой бумажки» – поспособствовал тому, что зреющие годами проблемы (например, совершенно неудовлетворительная правовая регламентация порядка представления предметов и документов), на которые ранее просто никто не обращал внимание, буквально всплыли на поверхность и стали предметом оживленных научных обсуждений и дискуссий.

Кстати, ровно теми же самыми причинами обусловлены и сильно актуализированные в последние годы вопросы, касающиеся использования в доказывании результатов непроцессуальной, в первую очередь оперативно-розыскной, деятельности органов исполнительной власти, тоже вводимых в уголовное дело как уже «готовых» средств доказывания и поэтому вопреки мнению ряда ученых [8, с. 240; 16, с. 363 и др.], в частности того же С. А. Шейфера [11, с. 111–112], не подлежащих никакому формированию [17, с. 117; 18, с. 322]. В. А. Лазарева, занимая совершенно правильную позицию в части юридической природы указанных информационных ресурсов (автор говорит лишь о результатах оперативно-розыскной деятельности), вместе с тем считает, что их фактическая легализация в действующем уголовно-процессуальном законе (ст. 89 УПК РФ) также оказала деструктивное влияние на преобладающую роль следственных действий как способов собирания доказательств [1, с. 82–83]. Однако проблема использования в доказывании результатов непроцессуальной, в том числе оперативно-розыскной, деятельности появилась задолго до принятия УПК РФ; она обязана своим возникновением особенностям формирования на протяжении последних 100 лет национальной системы досудебного производства, предполагающей размытие границ между «следственными» и «полицейскими» полномочиями по сути одних и тех же правоохранительных органов³, то есть частичное смешение функций «полиции» и «юстиции» [2, с. 43]. Просто ранее данные вопросы были урегулированы на подзаконном уровне (преимущественно регламентировались секретными нормативными правовыми актами). Но ввиду отсутствия в СССР подлинно эффективных институтов гражданского общества и состязательности уголовного судопроизводства, позволяющей оспорить доброкачественность результатов непроцессуальной деятельности и (или) признать их недопустимыми средствами доказывания, на указанный

³ Кстати, сам по себе термин «оперативно-розыскная деятельность» был введен в научный оборот и правоохранительную практику лишь в первой половине 1960-х годов. Автором термина считается известный советский ученый профессор А. Г. Лекарь, который в 1963 году сформулировал и обосновал понятие оперативно-розыскной деятельности органов охраны общественного порядка.

правовой изъят также никто не обращал особого внимания. Поэтому ни ученые-процессуалисты, ни практические работники не ощущали никакой потребности в надлежащем законодательном регулировании соответствующих правоотношений.

Далее. Аргументируя свою позицию, В. А. Лазарева чересчур дотошно, буквально «под микроскопом» осуществляет семантический разбор содержащегося в тексте УПК РФ термина «собирание доказательств», на основании чего приходит к выводу о допущенной законодателем стилистической ошибке и необходимости использования данного словосочетания применительно не к отдельно взятым доказательствам, а к их совокупной достаточности. Собирание доказательств, пишет автор, есть формирование их совокупности, то есть доказательственной базы [1, с. 80–81].

Между тем все подобные лингвистические изыскания представляются излишними, а их результаты – изначально неспособными претендовать на непогрешимость ввиду существования множества самых различных вариантов доктринального толкования этого словосочетания. Тем более что и сама «материнская» по отношению к нему категория «доказательство» тоже не предполагает однозначной трактовки (на последнее обстоятельство обращает внимание и сама В. А. Лазарева).

Так, в различных публикациях под собиранием доказательств понимаются и обнаружение полезной информации или ее источников, и ее восприятие или исследование, и принудительное изъятие предметов, документов либо иных носителей, и надлежащая фиксация сведений в процессуальных документах либо их юридическая легализация и т. д. [2, с. 93–94]. Кстати, и сам законодатель достаточно беспардонно обращается с этим словосочетанием, фактически вкладывая в различные варианты его употребления совершенно разный смысл. Иначе чем еще можно объяснить уже неоднократно описанное в научной литературе противоречие между ч. 1 и ч. 2–3 ст. 86 УПК РФ, где в одном случае под собиранием доказательств понимается формирование предусмотренных законом и пригодных для дальнейшего использования информационных ресурсов (если не формирование, то, по крайней мере, приобщение к материалам уголовного дела), а в другом – предварительное получение невластными субъектами предметов, документов или сведений, только лишь подлежащих представлению дознавателю, следователю или в суд. И в этой связи суждение В. А. Лазаревой о продуманности «грамотным законодателем» вопроса об использовании данного словосочетания [1, с. 81] также не может не вызывать возражений. Скорее все было наоборот – разработчики проекта УПК РФ, будучи сильно увлеченными более «важными» на тот момент проблемами уголовного судопроизводства (вышеупомянутой состязательностью, презумпцией невиновности, правами личности, судом присяжных и т. п.), вообще сильно не вникали в указанные теоретические изыски.

Таким образом, представляется, что современным ученым вообще необходимо отказаться от лингвистических исследований в этом сегменте уголовно-процессуального регулирования, от дальнейших попыток поиска оптимального смысла словосочетания «собрание доказательств» (к слову, подобных попыток было уже предпринято немало). Гораздо правильнее свести смысл этой категории к известной степени релятивности, то есть изначально придать ей какое-то условное, но хорошо понятное ученым и практикам значение.

Наиболее разумным выходом из существующей доктринальной и правовой неопределенности могли бы стать некие договоренности о приемлемом и однообразном использовании употребляемой терминологии. Однако на сегодняшний день ввиду множества научных школ в области уголовного судопроизводства, а также откровенного чванства и высокомерия отдельных коллег по процессуальному «цеху», вообще не желающих считаться с чужими взглядами, какой-либо разумный консенсус в этой сфере практически недостижим – разные ученые все равно будут исходить из различных пониманий доказательства в целом и собирания доказательств в частности. Тем более что законодатель в последнее время вообще достаточно редко принимает во внимание мнения, высказываемые узкопрофильными специалистами в определенных вопросах уголовно-процессуальной науки и правоприменительной практики.

Поэтому остается лишь придавать категории «собрание доказательств» наиболее широкое правовое значение, охватывающее любые допустимые формы первичной «обработки» полезной информации, предполагаемой к включению в общую массу доказательственного материала. Иными словами, под собиранием надлежит условно понимать исчерпывающую совокупность правовых приемов и процедур, направленных на введение в досудебное или судебное производство любых имеющих познавательную ценность предметов, документов, сведений, на их процессуальную легализацию, на придание им требуемой юридической силы. Таким образом, и формирование доказательств путем производства предусмотренных УПК РФ процессуальных действий, и приобщение к материалам уголовного дела «готовых» информационных ресурсов следует считать автономными способами общего процессуального механизма собирания доказательств [2, с. 98–99; 3, с. 99].

И наконец, последнее. Анализируя представленные В. А. Лазаревой доводы и аргументы, просто нельзя оставить без внимания попытки автора вступить с нами в научную полемику по поводу включения / невключения в систему следственных действий некоторых процессуальных механизмов, направленных на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела: судебных экспертиз (гл. 27 УПК РФ), контроля и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ), получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ) и т. д. В своей статье В. А. Лазарева, заявляя о рас-

хождении наших с ней позиций, пишет о неразумности отнесения данных приемов к следственным действиям ввиду того, что они не предполагают собственного контакта следователя с источниками полезной информации [1, с. 84–85].

Вместе с тем подобные «упреки», по крайней мере в наш адрес, беспочвенны и, по всей вероятности, вызваны не совсем верным истолкованием уважаемой Валентиной Александровной неоднократно высказывавшихся нами научных позиций. В наших публикациях, как раз наоборот, всегда отстаивались солидарные с профессором В. А. Лазаревой идеи об особом характере указанных процессуальных механизмов, о невозможности их признания типичными следственными действиями, каковыми, например, являются следственный осмотр, обыск, допрос, предъявление для опознания и т. д.

К слову, некоторые современные авторы и впрямь вкладывают в категорию «следственные действия» достаточно широкий смысл – понимают под ними любые процессуально-познавательные действия, направленные на собирание новых или проверку имеющихся доказательств. Частично такой подход обусловлен абсолютно бесцеремонным отношением самого законодателя к сущности следственных действий – многократным (более 200 раз!) употреблением указанного словосочетания в тексте УПК РФ в совершенно различных контекстах, подразумевающих принципиально разные по объему и содержанию формы реализации уголовно-процессуальных полномочий, при отсутствии четкой и понятной нормативной дефиниции следственных действий. Частично же он объясняется и другими причинами [2, с. 101–126]. Однако эта позиция носит самый общий характер. Она во все не предполагает единообразия и распадается на множество вариантов, характеризующихся различными оттенками. Например, тот же С. А. Шейфер, которого по праву можно назвать идеологом данного научного подхода, в своих самых последних работах писал о судебной экспертизе как о познавательном приеме, занимающем весьма специфическое место в системе следственных действий, а о контроле и записи переговоров и получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – как о процессуальных механизмах, обусловленных проникновением в уголовный процесс негласных способов получения информации, то есть интеграцией следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [19, с. 7, 11].

Тогда как в наших публикациях, несмотря на общую преемственность по отношению к классической «шейферовской» теории следственных действий, этот вопрос всегда решался несколько по-иному. В частности, нами всегда отстаивалась позиция об автономном значении судебной экспертизы как способа уголовно-процессуального познания, о ее особой роли в установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и, таким образом, о невозможности ее включения в систему следственных действий

[2, с. 358; 20, с. 106]. В свою очередь, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (так называемые процессуальные комбинации познавательной направленности), на наш взгляд, вообще надлежит признавать следственными действиями только в части работы следователя с представленными ему материалами [2, с. 137–138].

Завершая настоящую статью, хотелось бы еще раз отметить, что предлагаемый В. А. Лазаревой подход к собиранию доказательств как «первому» этапу всего сложного механизма уголовно-процессуального доказывания в общем и целом представляется совершенно правильным. Поэтому, несмотря на некоторую вариативность и различные оттенки наших взглядов, считаю профессора В. А. Лазареву своим научным союзником и единомышленником, одновременно рассчитывая на взаимность со стороны уважаемой Валентины Александровны.

Библиографический список

1. Лазарева В. А. Собрание или формирование? Продолжаем дискуссию // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 78–87. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46352839>.
2. Россинский С. Б. Досудебное производство: сущность и способы собирания доказательств. Москва: Норма, 2021. 408 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45810885>.
3. Россинский С. Б. Собрание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 3. С. 91–103. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-3-91-103>.
4. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., переп. и доп. Москва: Юрайт, 2014. 359 с. URL: <http://doc.knigi-x.ru/22yuridicheskie/101858-1-v-lazareva-dokazivanie-v-ugolovnom-processe-uchebnik-dlya-bakalavriata-i-magistraturi-5-e-izdanie-perer.php>.
5. Лазарева В. А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept (Правовая парадигма). 2019. Т. 18, № 2. С. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.8>.
6. Михеенко М. М. Доказывание в советском уголовном процессе. Киев: Вища школа, 1984. 133 с.
7. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: учеб. пособие. Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 1993. 178 с.
8. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Москва: Проспект, 2009. 373 с. URL: <https://www.libfox.ru/648559-evgeniy-dolya-formirovanie-dokazatelstv-na-osnove-rezultatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-monografiya.html>.
9. Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П. А. Лупинская. Москва: ВЮЗИ, 1972. 130 с.
10. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. Москва: Юрлитинформ, 2001. 208 с. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Resursy-ogranichenogo-dostupa/Sledstvennye-deistviya-Sistema-i-processualnaya-forma-Elektronnyi-resurs-74090>.
11. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Москва: Норма, 2008. 238 с. URL: <https://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=38>.
12. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. д-ра. юрид. наук. Москва: МосУ МВД России, 2005. 464 с. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/teorija-i-metodologija-ispolzovaniya-verbalnoj-informacii-v-ugolovno.html>.
13. Семенцов В. А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. В. А. Лазаревой. Самара: Самарский госуниверситет, 2010. С. 236–242. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29061518>.
14. Россинский С. Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 85–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20258255>.
15. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная / отв. ред. Н. В. Жогин. Москва: Юрид. лит. 1967. 415 с. URL: https://vk.com/wall-89850005_70411.
16. Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2006. 441 с. URL: <https://www.libfox.ru/642519-valeriy-zazhitskiy-rezultaty-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-v-ugolovnom-sudoproizvodstve.html>.
17. Россинский С. Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности нужно признать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 111–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-nuzhno-priznat-dokazatelstvami-po-ugolovnomu-delu/viewer>.
18. Россинский Б. В., Россинский С. Б. Результаты административной деятельности как доказательства по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9, Вып. 3. С. 310–329. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.303>.
19. Шейфер С. А. Система следственных действий: каковы пути ее развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 5–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23236463>.
20. Россинский С. Б. Судебная экспертиза как особый способ доказывания в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. 2020. № 4 (91). С. 100–107.

References

1. Lazareva V. A. *Sobiranie ili formirovanie? Prodolzhaem diskussiyu* [Collecting or forming? We continue the discussion]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess* [Judicial authority and criminal policy], 2021, no. 1, pp. 78–87. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46352839> [in Russian].
2. Rossinskiy S. B. *Dosudebnoe proizvodstvo: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv* [Pre-trial proceedings: the essence and methods of collecting evidence]. Moscow: Norma, 2021, 408 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45810885> [in Russian].
3. Rossinskiy S. B. *Sobiranie dokazatel'stv kak «pervyy» etap dokazyvaniya po ugovolnomu delu* [Gathering evidence as a «first» stage of proving in a criminal case]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-3-91-103> [in Russian].
4. Lazareva V. A. *Dokazyvanie v ugovolnom protsesse: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. 5-e izd., perer. i dop.* [Proving in the criminal process: textbook for the Bachelor's programme and Master's programme. 5th edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2014, 359 p. Available at: <http://doc.knigi-x.ru/22yuridicheskie/101858-1-v-lazareva-dokazvanie-v-ugovolnom-processe-uchebnik-dlya-bakalavriata-i-magistraturi-5-e-izdanie-perer.php> [in Russian].
5. Lazareva V. A. *Dokazatel'stvo kak kategoriya ugovolno-protsessual'nogo prava: novye (starye) podkhody* [Evidence as a category of criminal procedure law: new (old) approaches]. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.8> [in Russian].
6. Mikheenko M. M. *Dokazyvanie v sovetskom ugovolnom protsesse* [Proving in the Soviet criminal process]. Kyiv: Vishcha shkola, 1984, 133 p. [in Russian].
7. Zinatullin Z. Z. *Ugovolno-protsessual'noe dokazyvanie: ucheb. posobie* [Criminal procedural proof: textbook]. Izhevsk: Udmurtskii gosuniversitet, 1993, 178 p. [in Russian].
8. Dolya E. A. *Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Formation of evidence based on the results of operational-search activity]. Moscow: Prospekt, 2009, 373 p. Available at: <https://www.libfox.ru/648559-evgeniy-dolya-formirovanie-dokazatel'stv-na-osnove-rezultatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-monografiya.html> [in Russian].
9. Sheifer S. A. *Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse. Otv. red. P. A. Lupinskaya* [The essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process, Lupinskaya P. A. (Ed.)]. Moscow: VYuZl, 1972, 130 p. [in Russian].
10. Sheifer S. A. *Sledstvennye deystviya. Sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow: YurLitinform, 2001, 208 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Resursy-ogranichennogo-dostupa/Sledstvennye-deystviya-Sistema-i-processual'naya-forma-Elektronnyi-resurs-74090> [in Russian].
11. Sheifer S. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Available at: <https://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=38> [in Russian].
12. Pobedkin A. V. *Teoriya i metodologiya ispol'zovaniya verbal'noi informatsii v ugovolno-protsessual'nom dokazyvanii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theory and methodology of using verbal information in criminal procedural proof: Doctoral of Laws thesis]. Moscow: MosU MVD Rossii, 2005, 464 p. Available at: <http://www.dslib.net/kriminal-process/teoriya-i-metodologiya-ispolzovaniya-verbalnoj-informatsii-v-ugovolno.html> [in Russian].
13. Sementsov V. A. *Formirovanie dokazatel'stv v strukture ugovolno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [Formation of evidence in the structure of criminal procedural evidence]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoy ugovolnoy protsessy Rossii: mezhvuz. sb. nauch. trudov. Pod red. V.A. Lazarevoi* [Lazareva V. A. (Ed.) Topical issues of modern criminal procedure in Russia: interuniversity collection of scientific works]. Samara: Samarskii gosuniversitet, 2010, pp. 236–242. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29061518> [in Russian].
14. Rossinskiy S. B. *Sushchnost' rezul'tatov neverbal'nykh sledstvennykh i sudebnykh deystvii kak dokazatel'stv po ugovolnomu delu* [The essence of the results of non-verbal investigative and judicial action as evidence in a criminal case]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2013, no. 9, pp. 85–91. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20258255> [in Russian].
15. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse. Chast' osobennaya. Otv. red. N. V. Zhogin* [Zhogin N. V. (Ed.) The theory of evidence in the Soviet criminal process. Part special]. Moscow: Yurid. lit., 1967, 415 p. Available at: https://vk.com/wall-89850005_70411 [in Russian].
16. Zazhitskiy V. I. *Rezul'taty operativno-rozysknoi deyatel'nosti v ugovolnom sudoproizvodstve: teoriya i praktika* [Results of operational-search activity in criminal proceedings: theory and practice]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr «Press», 2006, 441 p. Available at: <https://www.libfox.ru/642519-valeriy-zazhitskiy-rezultaty-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-v-ugovolnom-sudoproizvodstve.html> [in Russian].
17. Rossinskiy S. B. *Rezul'taty operativno-rozysknoi deyatel'nosti nuzhno priznat' dokazatel'stvami po ugovolnomu delu* [The results of operational and investigative activities should be recognized as evidence in a criminal case]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess* [Judicial authority and criminal process], 2018, no. 2, pp. 111–119. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-nuzhno-priznat-dokazatel'stvami-po-ugovolnomu-delu/viewer> [in Russian].
18. Rossinskiy B. V., Rossinskiy S. B. *Rezul'taty administrativnoi deyatel'nosti kak dokazatel'stva po ugovolnomu delu* [Results of administrative activities as evidence in a criminal case]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Vestnik of St. Petersburg University. Law], 2019, vol. 9, Issue 3, pp. 310–329. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.303> [in Russian].
19. Shafer S. A. *Sistema sledstvennykh deystvii: kakovy puti ee razvitiya* [The system of investigative actions: what are the ways of its development]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2015, no. 2, pp. 5–16. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23236463> [in Russian].
20. Rossinskiy S. B. *Sudebnaya ekspertiza kak osobyi sposob dokazyvaniya v dosudebnom proizvodstve po ugovolnomu delu* [Forensic expertise as a special method of proving in prediational proceedings in criminal case]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Law Herald], 2020, no. 4 (91), pp. 100–107. DOI: <http://doi.org/10.26516/2071-8136.2020.4.100> [in Russian].